

Переписка Вольфганга Штейница с финно-угроведами (1923-1967) *

(на основе материалов архива Берлин-Бранденбургской Академии наук)

Вольфганг Штейниц (28.02.1905 – 21.04.1967), как финно-угровед и исследователь хантыйского языка и культуры хорошо известен в Ханты-Мансийском Автономном округе, а также и в научном сообществе финно-угроведов всего мира. Он внес большой вклад в науку Германии и России. Особенно важна его деятельность как организатора науки: Вольфганг Штейниц был с 1954 до 1963 гт. вице-президентом Германской Академии наук (Deutsche Akademie der Wissenschaften zu Berlin), создал два института и руководил ими до конца жизни, академическим институтом немецкого народоведения, 1953 – 1967 гт. и институтом финноугроведения при университете им. Гумбольдта, 1946 – 1967 гт., заведовал отделом современного немецкого языка в Институте немецкого языка и литературы, а также комиссией, а позже рабочей группой „Диалектологический и этимологический словарь хантыйского языка“ в Академии наук, не говоря о его участие во многих международных проектах и конгрессах и в общественной деятельности Германии и России.¹ Вся его обширная деятельность отражается в его почти не охватываемом научном наследии. Как он сам отметил в день своего 60-летия: „Надо было бы иметь еще 20 лет, чтобы подготовить все собранные научные материалы и закончить все научные начинания.“ Ему оставалось два года жизни: 21-го апреля 1967 г. Вольфганг Штейниц умер от инфаркта миокарда – ему было всего 62 года.

После преждевременной смерти ученого его жена, Инге Штейниц (1904-1987гг.), которая на протяжении их совместной жизни принимала самое активное участие в его работе, передала большую часть его архива в Академию наук ГДР. В связи с объединением Германии в 1990г. Академия наук ГДР была ликвидирована, архив АН ГДР был переведен в состав архива Берлин-Бранденбургской Академии наук. Таким образом, в настоящее время главная часть личного фонда В. Штейница находится в архиве Берлин- Бранденбургской Академии наук, в центре Берлина на площади Жандарменмаркт.² Несколько слов относительно юридических основ пользования этим фондом: в целях проведения исследовательской работы требуется два разрешения, с

одной стороны согласие от архива Берлин-Бранденбургской Академии наук, а с другой стороны от Ренаты Штейниц, которая уполномочена от имени семьи наследников В. Штейница.

В личном фонде В. Штейница (Abteilung Nachlässe NL Wolfgang Steinitz, Nr. 1-148) насчитывается 148 единиц хранения (дел), не считая позже поступивших материалов (Nachträge). Фонд В. Штейница охватывает огромное количество документов: переписка, рукописные и машинописные работы в папках, тетрадях и блокнотах, дневники, эксизы, отзывы, биографические документы, начиная с гимназия и до его призвания в члены иностранных научных обществ, а также государственные награды и т.д.. Вырезки из газет, приглашения, программы конференций, записи всякого рода, поздравления, множество фотографий. Архивные материалы в целом находятся в таком состоянии как В. Штейниц их оставил, то есть они не обработаны под углом зрения быстрого доступа для пользования архивными материалами. Некоторые части его наследия пришли позже в архив, в частности материалы его хантыйских записей, изданные уже после его кончины (1975 – 1989 гг. Ostjakologische Arbeiten Bd. 1-4, а также „W. Steinitz. Dialektologisches und etymologisches Wörterbuch der ostjakischen Sprache“, unter Mitarbeit von Liselotte Böhnke, Gert Sauer und Brigitte Schulze. In 16 Lieferungen. Akademie-Verlag Berlin 1966 - 1993 гг.)

Какой интерес представляет содержание этого фонда для исследователя финно-угроведа, а также для автора настоящей статьи, являющегося науковедом и социологом?

Во-первых, переписка В. Штейница охватывает довоенное время (до 1945 г.) и послевоенное (после 1945 г.) время – почти полвека. В целом можно проследить жизненный путь его начиная с 1923 года до года его кончины и дальше до 2000 г., поскольку его ученики продолжали его работу.

Во-вторых, его формирование как финно-угроведа позже способствовала также его деятельностью в других областях – в славистике, в преподавании русского языка в (восточной) Германии и в немецком народоведении, в области немецкого языка и литературы. Таким образом, можно выявить некоторые пути формирования специальности финно-угроведения сквозь призму переписки молодого студента и ассистента в городах Бреслау и Берлине и за границей (Финляндия, Венгрия, Эстония, Советский Союз), затем исследователя и преподавателя в Институте Народов Севера в Ленинграде и в области Северной Оби в Западной Сибири.

В-третьих, вторая эмиграция (первая эмиграция из Германии в 1933-1934 гг.)

в 1937 г. из Советского Союза в Швецию представляет собой новый, одновременно и тяжелый и богатый, период в его личной жизни, в общении с современниками и в продолжении, укреплении его научного профиля.

Наконец, в-четвертых, возвращение на родину после окончания Второй мировой войны дало ему возможность развития своих научных сил в послевоенной Германии, идущей по пути к созданию двух государств в Германии. (После возведения Берлинской стены его научная школа оказалась разделенной на две части Германии.)

Вся переписка выражает такие существенные общественные переломы в его деятельности. Отчасти требуется дополнение или, по крайней мере, учет личной переписки многодетной семьи родителей В. Штейница.³ Примером этого может служить пока единственное подготовленное Яным Петерсом издание личной переписки двух семей В. Штейница и Ю. Петерса в 1946 г., в которой отражена послевоенная ситуация в Берлине и возвращение этих двух семей из Стокгольма, из эмиграции в (столицу Германии) Берлин.⁴

В. Штейниц с самого начала вполне сознательно выбрал в качестве учебной дисциплины финно-угроведение (1923 г.)⁵ изучал историю, быт и язык угрофинских народов. „Свое финно-угроведение“ он уже больше никогда не оставлял, даже тогда когда он занимался другими научными вопросами и общественными задачами. Поэтому в его общей переписке мы всегда находим мысли финно-угроведа, что затрудняет выделить в переписке те письма, которые не имеют отношения к его работе как финно-угроведа. Тем не менее можно условно предложить определенны выбор, если принять во внимание только письма „чистых“ лингвистов-финноугроведов. Определенный помощь может оказать список научных трудов В. Штейница⁶, а для самого раннего периода его деятельности перечисление или упоминание лиц в его переписке.

Перед тем, как приступить к описанию содержания переписки, которое само собой разумеется будет далеко от полным, вкратце представим состояние архивных материалах переписки.

Переписка довоенного времени хранится в папках № 40 в двух частях, приведенных в алфавитном порядке. Не исключено, что и в некоторых других папках более позднего времени еще найдутся переписка, отметки и записи относящиеся к этому периоду. Сюда относится и переписка во времени экспедиции в область Северной Оби в 1935 г. (В 1-е издание дневника экспедиции в 4-м томе „Ostjakologische Arbeiten“ (1980) не вошли все имеющиеся письма, изначально дневник представлял подборку писем В. Штейница его

жене. Насколько в ходе обработки все материалы сохранились в полном объеме, сегодня трудно получить надежный ответ.)

В этой части и находятся много писем личной переписки В. Штейница с родителями, его жены с родственниками и друзьями.

Переписка послевоенного периода подобрана в папках № 1 – 32. Переписка ведется в алфавитном порядке, а список корреспондентов пока еще не составлен. Таким образом, переписка послевоенного времени представлена следующим образом: Папка № 1 (Буква А), № 2 (Ва – Ве), № 3 (Ви – Ву), № 4 (С – D), № 5 (Е), № 6 (Fa – Fo), № 7 (Fr – Fu), № 8 (G), № 9 (Ha), № 10 (He – Hu), № 11 (I – J), № 12 (Ka – Ko), № 13 (Kr – Ky), № 14 (La), № 15 (Le), № 16 (Ma), № 17 (Me – My), № 18 (N – O), № 19 (P – Q), № 20 (R), № 21 (Sa – Sn), № 22 (So – Sz), № 23 (Sch), № 24 (St), № 25 (T), № 26 (U – V), № 27 (Wa – Wh), № 28 (Wi – Wu), № 29 (Z). В папках № 30 – 32 находится специально выделенная переписка под названием Duolisala, также в алфавитном порядке.

Большая часть переписки довоенного времени написана от руки, на немецком и иностранных языках (по-русски, по-венгерски, по-эстонски, по-фински, по-английски).

Если выделить переписку по объему, то есть по продолжительности, по содержанию и по интенсивности контактов (число писем), то на первом месте следует указать переписку В. Штейница с Эрнстом Леви.⁷ Их переписка начинается в 1924 г. и продолжается до смерти Эрнста Леви в 1966 г. (имеется переписка за 1924, 1925, 1926, 1929, 1933, 1934, 1935, 1936, 1937, 1938, 1939, 1943, 1945 гг., причем преобладают письма Э. Леви В. Штейницу. Послевоенная переписка Э.Леви – В. Штейниц находится в папке № 15 и в Duolisala. Тому же следует учесть письма в частном архиве у Ренаты Штейниц, а также личные дела В. Штейница и Э. Леви в архиве университета им. Гумбольдта. Особый интерес представляет собой дело В. Штейница по поводу принятия его в кандидатуру на присвоение ученой степени кандидата наук в архиве университета им. Гумбольдта (Promotionsakte⁸).

Здесь нет места, чтобы осветить более подробно все детали имеющейся переписки. Отметим лишь некоторые аспекты.

Особенно в первых письмах, в основном почтовые открытки, мы находим упоминание двух видных ученых – Сергея Федоровича Ольденбурга (Непременного Секретаря Академии наук Союза Советских Социалистических Республик⁹) и финно-угроведа Генриха Винклера (1848 – 1930¹⁰) из г. Бреслау. Вместе с Э. Леви они были важными консультантами молодого студента. Имя Г. Винклера упоминается В. Штейницем в двух письмах уже в 1923 г.¹¹

и в почтовых открытках к нему, направленных в г. Бреслау. В них Э. Леви постоянно спрашивает о нем, о состоянии его здоровья, чем он занимается и.т.д. (1926, 1927 гг.). Отношение Э. Леви к Г. Винклеру, а также В. Штейница к Э. Леви и Г. Винклеру пока еще не нашло должного внимания в подготовке его биографии.

Г. Винклер был профессором в той гимназии в городе Бреслау, в которой позже учился В. Штейниц с 1914 – 1923 гг.. Затем Г. Винклер работал в университете, стал иностранным членом Венгерской академии наук (1897), а также финно-угорского общества Финляндии (Suomalais Ugrilaisen Seuran) и Академии Баски в г. Билбао. Его работы поддерживал Историко-филологический класс Прусской академии наук.¹²

В 1924 г. В. Штейниц ознакомился с исследованиями У.Т. Сирелиуса (1872 – 1929), одного из основателей финно-угорской этнографии. В. Штейниц написал рецензию на его книгу *Die Herkunft der Finnen. Die finnisch-ugrischen Völker* (1924)¹³ и издал его работу „*Die Volkskultur Finnlands. Bd. 1. Jagd*“ und „*Fischerei in Finnland*“ (1935). В этой связи хотелось бы отметить телеграмму от финляндского института (1929) В. Штейницу с просьбой, посетить больного Сирелиуса в клинике, что говорит о его сердечном отношении к В. Штейницу. Однако, из этого нельзя заключить, что В. Штейниц стал последователем У.Т.Сирелиуса.¹⁴ Формирование раннего В. Штейница, который 18-летним юношей обосновал свой научный интерес к изучению культуры финно-угров, пока детально не изучено. Это касается и вопроса влияния первого директора Института Хунгарологии Роберта Граггера (1887-1926)¹⁵ на молодого В. Штейница.

Первая его научная статья „*Naturvölker und Kulturvölker*“ (1925)¹⁶ выражает зрелое теоретическое понимание вопроса развития народов и народностей (для последних сегодня употребляется понятие „Этносы или этнические общности“), их языка и культуры. Нет примитивных народов и нет примитивных языков, подчеркивает автор этой статьи. В ней уже обоснован будущий эмпирический подход В. Штейница к изучению финно-угорских народностей путем непосредственного ознакомления их жизнью и культурой. Кроме того, в этой статье В. Штейниц обращает внимание на вопрос общественной ответственности политических деятелей по отношению к этим народностям.¹⁷ Все эти вопросы являются предметом обсуждения между Э. Леви и В. Штейницем, и они были отнюдь не легкими и не однозначными. Часто Э.Леви и В. Штейниц стояли на разных берегах, что объясняется их жизненными путями, в частности и разными странами, в которые они эмигрировали. Переписка Э.Леви и В. Штейница представляет собой

ценнейший историко-научный источник для развития финно-угроведения как дисциплины, рассмотрение которого заслуживает специального, самостоятельного издания.¹⁸

Второе место в переписке по выше названным критериям занимает Пауль Аристэ (1905-1990), виднейший финно-угровед Эстонии. С ним дружил В. Штейниц с начала 1930-х годов¹⁹. Как известно, В. Штейниц посетил Эстонию дважды в 1930 г. и позже. (Переписка имеется в 1931, 1932, 1933, 1934, 1935, 1936, 1937, 1938, 1939 гг.) и в послевоенное время (в 1950, 1955, 1956, 1957, 1958, 1960, 1961, 1965 гг.) Обе семьи Аристэ и Штейница дружили. В послевоенное время Инге Штейниц часто брала на себя переписку В. Штейница, а также после его смерти (переписка имеется в 1956, 1965, 1966, 1967, 1970, 1971, 1973, 1975 гг.).²⁰ Переписка В. Штейница и Пауля Аристэ в основном ведется на немецком языке. Как и переписка с Э. Леви, научное значение отношений этих двух крупных финно-угроведов XX в. заслуживает отдельного очерка, тем более что П. Аристэ и после смерти В. Штейница оказал помощь хантоведам на месте, т.е. в Ханты-Мансийском автономном округе.²¹

Третье место занимает переписка разных лиц в объеме от двух, трех, до десяти писем. Перечисляем их: Д. В. Бубрих (1890-1949), виднейший финно-угровед Советского союза, ученик А.А. Шахматова, основатель первой университетской кафедры финно-угроведения в 1925 г. в Ленинграде (переписка в 1927, 1945, 1946, 1947 гг.); Валерий Николаевич Чернецов (1905 – 1970), непосредственный коллега и друг В. Штейница с 1934 г. в ИНСе в Ленинграде, (переписка в 1959, 1960, 1962, 1965, 1966 гг.);²² Юлия Николаевна Русская (1917- 1986), ученица В. Штейница. (Переписка в 1949, 1954²³, 1958, 1959, 1960, 1962, 1963 гг.).²⁴; Николай Иванович Терешкин (1913 – 1986), первый языковед-этнограф из ханты, ученик В. Штейница. (Личная встреча в 1953²⁵, 1963²⁶ гг., переписка в 1959, 1960, 1961, 1962, 1964, 1964, 1965 гг.) ; Алексей Николаевич Баландин и Матрена Панкратьевна Вахрушева/ Баландина (1918 – 2000), которые считают себя учениками В. Штейница (переписка в 1956, 1957, 1958, 1965 гг.);²⁷ Н.М. Терещенко (два письма 1958, 1959).

На четвертом месте можно назвать лиц, от которых имеется от одного до двух/пяти писем: В довоенное время здесь представляют интерес письма русских исследователей, а именно И.И. Авдеева в. 1936, 1937 г. (этнограф в Тобольске); Н. К. Каргера, Николаса Поппле, венгра Беке – в 1934, 1935 г. (Ö. Beke), немцев К. Боуда – в. 1935, 1936, 1937, 1938 гг., а также после 1945 г. (K. Bouda); А. Бузениуса – в 1936 г. (A. Busenius); эстонца П. Арумаа – в. 1938 г. (P. Arumaa); шведов Линдгрена - 1938 (Lindgren); Б. Коллиндера –1942 (B. Collinder); В. Кипарского – 1944, 1948-1963 (V. Kiparsky); а в послевоенное

время немецкого финно-угроведа В. Шлахтера (Wolfgang Schlachter), он просил рекомендацию от В. Штейница для поступления в докторантуру (в 1948 г.); Е.А. Прокофьевой – 1958; А.П. Дульзона, Л.Н. Терентьевой, Е.И. Ромбандеевой, Ст. Цолкиевского из Польша– 1964 (Stefan Zolkiewski). Более значима по объему переписка с К.И. Чистовым (1959, 1960, 1961, 1962, 1965, 1966); с В.М. Жирмунским²⁸, с Романом Якобсоном (Roman Jakobson), с Т. Зебэком (Thomas Sebeok), Э. Вертеш (Edith Vertes), и М. Фасмером (Max Vasmer).

Небезынтесным является и относительно небольшая переписка с своими немецкими учениками и сотрудниками: Герт Зауэр (Gert Sauer), М. Бирвиш (M. Bierwisch), Г. Ганшов (Gerhard Ganschow), а также с Ю. Фаркашем (J. von Farkas) и его сотрудницей В. Зауэр²⁹ из Геттингена. В переписке встречаются такие ученые – филологи как Т. Фрингс (Theodor Frings, президент Саксонской академии наук и директор Института немецкого языка и литературы Германской академии наук), общеизвестный искусствовед и этнограф, фольклорист В. Фрэнгер (W. Fraenger), писатели и деятели культуры как Б. Брехт и Е. Вейгель (Bert Brecht und Helene Weigel) и многие другие.

Вся переписка, особенно отзывы на работы научных сотрудников различного профиля показывают тонкое, умное и смелое умение В. Штейница в оценке научных работ и в определении тактики нужных подходов на разных ступенях бюрократии в науке. Таким образом, в целом становится понятным, что подготовка переписки В. Штейница к печати представляет большой интерес для научной общественности и, в частности, для понимания развития фундаментальных исследований в области общественной науки. Однако для этого требуется большие усилия и историко-научный подход разных научных специальностей, переводного потенциала, финансовые и персональные средства. Хотелось бы пожелать, чтобы в научных кругах нашлись люди, способствующие реализации этой важной задачи.

● Роза-Луиза Винклер

* gekürzter und überarbeieter Vortrag. Internationales Symposium: 300 Jahre akademische Forschung Jugras: von G.F. Müller bis W. Steinitz. Chanty-Mansijsk, 7.-15. September 2005.

1 Основные биографические сведения см: Wolfgang Steinitz und die Völker der Chanti und Mansi in Westsibirien. Hrsg. Christine Titel, Rose-Luise Winkler. DAMU-Hefte LOMONOSSOW 2/2000: 82-83, Nachtrag. А также в интернете: www.damu.de; Вольфганг Штейниц – финно-угровед, исследователь хантыйского языка. К столетию со дня рождения/ Составители: Немысова Е.А., Рябчикова З.С. Ханты-Мансийск 2005.

2 Почтовый адрес: Berlin-Brandenburgische Akademie der Wissenschaften. Jägerstraße 22-23. 10117 Berlin.

3 Renate Steinitz. Eine deutsche jüdische Familie wird zerstreut. // Wolfgang Steinitz. Ich hatte unwahrscheinliches Glück. Ein Leben zwischen Wissenschaft und Politik. Hrsg. Klaus Steinitz, Wolfgang Kaschuba. Karl Dietz-Verlag Berlin 2006: 266-311.

4 Zweimal Stockholm-Berlin 1946. Briefe nach der Rückkehr: Jürgen Peters und Wolfgang Steinitz. Hrsg. Jan Peters. Reclam-Verlag Leipzig 1989.

5 Общеизвестны теперь два его письма от 4ого мая к отцу и от 27ого мая 1923 г. к родителям, в которых он обосновывает выбор своей учебы против желания отца, который настаивал на юриспруденции. См. E. Lang. Vorwort. Ostjakologische Arbeiten. Bd. 4. Berlin 1980: X, XI; P.L. Винклер. Вольфганг Штейниц – Немецкий хантовед, славист, филолог, этнограф, фольклорист. (Из переписки В. Штейница и Ю.Н. Русской) // Немцы в России. Российско-немецкий диалог. С.-Петербург 2001: 330. Полный текст этих писем опубликован в связи с его 100-летием со дня рождения: Zwei Briefe eines Achtzehnjährigen, Anlage 2 // Wolfgang Steinitz. Ich hatte unwahrscheinliches Glück. Ein Leben zwischen Wissenschaft und Politik. Там же: 318-322.

6 См. Gesamtverzeichnis der Schriften // Ostjakologische Arbeiten. Bd. 4. Berlin 1980: 463-493. Перепечатано в: Вольфганг Штейниц – финно-угровед, исследователь хантыйского языка. К столетию со дня рождения/ Составители: Немцова Е.А.Рябчикова З.С. Ханты-Мансийск 2005: 41-82.

7 См. P.L.Винклер. В. Штейниц и Э.Леви, ученик и учитель. Страницы их отношения в Берлинское время. 1923 – 1945 // Материалы Международной конференции „Сохранение традиционной культуры коренных малочисленных народов Севера и проблема устойчивого развития. Москва 2004: 146-151.

8 См. там же.

9 От него В. Штейниц получил приглашение для согласования ведущихся в СССР научных работ в области финнологии с соответствующими работами и исследованиями, выполняемыми в Берлинских научных учреждениях и Музеях в 1926 г. См. R.-L.Winkler. Wolfgang Steinitz `Expedition im Ob-Gebiet im Jahre 1935. Eine wissenschaftshistorische Betrachtung. // Wolfgang Steinitz und die Völker der Chanti und Mansi in Westsibirien. Hrsg. Christine Titel und Rose-Luise Winkler. DAMU-Hefte LOMONOSSOW 2/2000: 19. Та же: Вольфганг Штейниц – Немецкий хантовед, славист, филолог, этнограф, фольклорист. (Из переписки В. Штейница и Ю.Н. Русской) // Немцы в России. Российско-немецкий диалог. С.-Петербург 2001: 332.

10 H.Winkler. Uralaltaische Völker und Sprachen. Breslau 1884. Тот же. Das Uralaltaische und seine Gruppen. Erste u. Zweite Lieferung. Berlin 1885. Тот же. Die altaische Völker- und Sprachenwelt. Leipzig&Berlin, Teubner 1921.

11 См. Сноска № 5.

12 См. R.-L. Winkler. Rezension. Eine Biographie zu Wolfgang Steinitz? A. Leo. Leben als Balance-Akt. Wolfgang Steinitz. Kommunist. Jude. Wissenschaftler. Metropol-Verlag Berlin 2005. Sitzungsberichte der Leibniz-Sozietät. Heft 83 (Im Druck).

13 W. Steinitz, U.T. Sirelius. Die Herkunft der Finnen. Die finnisch-ugrischen Völker. UJb. 5: 311-314. Э. Ланг придает этому рецензию определенное значение в формировании будущего финно-угроведа. См. E Lang. Vorwort. Ostjakologische Arbeiten. Bd. 4. Berlin 1980: X. Тот же: Biographische Kohärenz in der Wechselwirkung von Philologie und (R-)Emigration. // Wolfgang Steinitz. Ich hatte unwahrscheinliches Glück. Ein Leben zwischen Wissenschaft und Politik. Hrsg. Klaus Steinitz, Wolfgang Kaschuba. Karl Dietz-Verlag Berlin 2006: 68.

14 Указание на „последователя Сирелиуса“ в моей статье: Штейниц Вольфганг // Югория. Энциклопедия Ханты-Мансийского автономного округа. Том третий. Ханты-Мансийск 2000: 332, приведен редактором.

15 Научное наследие и личные дело Р. Граггера до сих пор не обработано. Институт Хунгарологии был субсидирован венгерским объединением Collegium Hungaricum в г. Берлине. См. С.Н. Becker. Robert Gragger (1887-1926). Eine Gedächtnisrede gehalten in der Alten Aula der Berliner Universität//Aus den Forschungsarbeiten des Ungarischen Instituts und des Collegium Hungaricum in Berlin. 1927: 5-20. W.Veenker. Robert Gragger-Gedächtnis-Symposion in Berlin. // Finnisch-Ugrische Mitteilungen 11 (1987): 223-229.

16 W. Steinitz. Naturvölker und Kulturvölker // Die Friedens-Warte. Blätter für internationale Verständigung und zwischenstaatliche Organisation. Herausgegeben in Gemeinschaft mit A. Falkenberg, H. v. Gerlach, R. Goldscheid, F. Hertz, L. Quidde, W. Schücking u. V. Valentin von Hans Wehberg. XXVI. Jahrgang. Heft 8. Berlin 1926: 242 – 244.

17 Ян Петерс справедливо обращает внимание на первую его статью, которую он сам рассматривал „хорошим вкладом“ в дело. Письмо В. Штейница к родителям от 3. 12. 1925. Архив ВВАУ № 43. См. Jan Peters. Wolfgang Steinitz `Weg als politischer Wissenschaftler. // Wolfgang Steinitz. Ich hatte unwahrscheinliches Glück. Ein Leben zwischen Wissenschaft und Politik. Там же: 21.

18 См. Р.-Л. Винклер. В. Штейниц и Э.Леви, ученик и учитель. Страницы их отношения в Берлинское время. 1923 – 1945 // Материалы Международной конференции „Сохранение традиционной культуры коренных малочисленных народов Севера и проблема устойчивого развития. Москва 2004: 146-151.

19 Её же. Валерий Николаевич Чернецов и Вольфганг Штейниц – исследователи обских угров // DAMU-Hefte LOMONOSSOW 2/2005: 16-20. И. Иванов. Выдающийся финно-угровед XX в. (к столетию со дня рождения Пауля Аристэ)// Финно-угроведение 1. 2005: 111-119.

20 Часть послевоенной переписки находится в архиве Eesti Kirjanmuuseum в Тарту: Ф. 330 (П. Аристэ), № 94. Д. 13 и д. 14.

21 См. Архив Е.А. Немысовой. Переписка с финно-угроведами. Переписка мне любезно была передана Е.А. Немысовой в целях совместного издания. Она отпечатана на русском языке.

22 Р.-Л. Винклер. Валерий Николаевич Чернецов и Вольфганг Штейниц – исследователи обских угров. Там же.

23 Дневниковые записи В. Штейница от 12.03. 1954. Архив ВВАУ № 72.

24 Р.-Л. Винклер. Вольфганг Штейниц – Немецкий хантовед, славист, филолог, этнограф, фольклорист. (Из переписки В. Штейница и Ю.Н. Русской) // Немцы в России. Российско-немецкий диалог. С.-Петербург 2001: 327-338.

25 Дневниковые записи В. Штейница от 30. 09. 1953 (личный архив Ренаты Штейниц). См. Р.-Л. Винклер. В. Штейниц и Н.И. Терешкин – страницы их совместной работы по архивным записям. Доклад на международном семинаре „Графика и орфография хантыйского языка.“ 23 – 30 марта 2001г. в г. Белоярский / Западная Сибирь.

26 См. В.В. Безбрежный. Командировка профессора Штейница.// Вечерний Ленинград. Март 1963 г. Перепечатано: Вольфганг Штейниц – финно-угровед, исследователь хантыйского языка. К столетию со дня рождения/ Составители: Немысова Е.А.Рябчикова З.С. Ханты-Мансийск 2005: 15-16.

27 Р.-Л. Винклер. Существует ли научная школа В. Штейница в области хантоведения? // Congressus Nonus Internationalis Fenno-Ugristarum. 7.-13. 8. 2000. Pars VI. Tartu 2001: 367. Д. В. Герасимова. In memoriam Matrena Pankratjevna Balandina (Vachrusheva) // Wolfgang Steinitz und die Völker der Chanti und Mansi in Westsibirien. Hrsg. Christine Titel und Rose-Luise Winkler. DAMU-Heft LOMONOSSOW 2/2000: 73-74.

28 Часть его переписки с В. Штейницем находится в архиве РАН, как мне любезно сообщил М. Ш. Файнштейн из Филиала архива РАН в Ст. Петербурге.

29 В. Зауэр, однофамильца, не имеющая отношения с Г. Зауэром.